

Тимир Федоров

Родился 2 июля 1931 года на Сахалине. С родителями переехал в город Тайга Кемеровской области. Учился в Томском горном техникуме, служил в армии. Вернувшись в Тайгу, работал учителем, директором горэлектросети. В 1964 году переехал в город Березовский. Двенадцать лет жил в Узбекистане, но вернулся в Кузбасс.

Тимир Федоров – замечательный художник. Его выставки популярны. Многие картины хранятся в частных коллекциях и в краеведческом музее Березовского.

Известен Тимир Федоров и как литератор. Пишет стихи, рассказы. Издал несколько книг: «Крутые повороты», «От Рюрика до Николая II», «Война без войны», «Рассказы». Перевел с польского повесть Владислава Крупиньски «Исчезновение».

Станислав Брошкiewicz

Суд

(перевод с польского)

На судебном разбирательстве председательствовал сэр Мартин Форбес. Это был мужественный человек в полном смысле слова. Белый парик, надвинутый на половину лба, делал голову похожей на львиную. Да и весь его вид, и состояние напоминали разъяренного льва. Он рычал, кашлял, метал молнии из глаз, морщил лоб, поднимал брови и нервно постукивал ладонями по столу. На его лице отражались все тонкости судебного процесса.

Тринадцать присяжных заседателей были бы рады заплатить полфунта, если бы могли забраться под стол.

Адвокаты ёжились на своей скамье, стараясь быть как можно меньше и незаметнее.

На очередное из рычаний судьи один из них, слегка приподнявшись со своего места, пролепетал:

– Господин судья! Устиниан Великий, квалифицируя римское право, уделил особое внимание толкованию положение *volenti non fit iniuria*. Кем же в этом случае является *volens*? Рассудительный человек ответит без колебаний: *volens* - нечто иное, нежели повод. От чистого сердца, правда, не такого чистого, как здесь силился убедить нас господин общественный обвинитель, любила она того, кто сегодня сидит на скамье подсудимых. *Non video iniuam!* – воскликнул он и сел.

62

Поднялся второй защитник:

– Господа! Как вытекает из выводов моего учёного коллеги...

– Из выводов уважаемого господина адвоката вытекает, что господин учёный коллега не имеет ни малейшего понятия, о чём идёт речь. Положение *Volenti non fit iniuria* относится в основном к проблемам наказания. Извольте, милостливый господин, присесть. О Боже, как болит голова.

Адвокат Мак Грове поклонился:

– Thank you? Mylord, – после чего послушно сел.

Сэр Мартин, прыкая от смеха, выкрикнул:

– Обвиняемый!

Лолек встал, вытер рукавом лоб и выдавил:

– Здесь, милорд.

– Здесь? Это интересно. Хорошо, что господин так любезно напомнил об этом. Иначе я бы мог подумать, что господина вообще не существует, а в таком случае процесс над господином был бы чистой бессмыслицей, не правда ли? Впрочем, – он глубоко вздохнул и посмотрел в потолок, – не совсем уверен, что это имеет какой-нибудь смысл. Но поскольку так утверждает прокурор...

Прокурор поклонился с едва заметной улыбкой.

Лолек успел вставить:

– Осмелюсь выяснить, милорд...

Молоток судьи ударил по столу с таким грохотом, как будто пальнули из пушки:

– Вы скажетесь, когда вам предоставят слово. Что это господин на меня так косо смотрит? Господин случайно не припадочный шизофреник? Нет? Это удивительно. Жаль.

С кресла в глубине зала встала Маргарет. Сэр Мартин посмотрел на неё, как на протухший бифштекс, и его сдавила астма. Он долго сопел, давился и, наконец, прохрипел:

– Что, госпожа не может смотреть обыкновенно? Кому вы строите глазки? Скажите нам, госпожа, что вы нашли хорошего в подсудимом? Не знаете? Вот это интересно складывается, ведь я тоже не знаю. То же самое, впрочем, я бы мог спросить у подсудимого, который по причине совсем для меня непонятной обручился с вами. Кто первый свидетель? Этот господин? – рявкнул он в мою сторону так, что у меня аж подогнулись ноги.

– Честь имею, милорд.

– Вы слышите, господи? Честь! Поистине это особая честь, быть свидетелем по такому делу. Господин, очевидно, такой же фрукт, как его коллега. Скажите, пожалуйста, какая у вас профессия?

– Я желаю, милорд...

– Спасибо. Последнее, что меня интересует в настоящее время, это ваши желания. Я спрашиваю вас о профессии.

– Студент.

– М...даа.. И какой же из университетов рискнул принять вас? Впрочем, это, очевидно, какой-нибудь из провинциальных, да?

– Я студент шотландского университета в Эдинбурге, господин судья.

Сэр Мартин, сделав такую гримасу, словно хотел сказать: «Вот до каких времён мы дожили», – простонал:

– Господи! Вместо того, чтобы внятно отвечать на мои вопросы, господин ударился в дискуссии о месте нахождения высших учебных заведений! Прошу меня не перебивать! – крикнул он, хотя у меня не было ни малейшего желания это сделать.

– После всего этого мог бы господин несколько снизить тон в этот трудный для него час!

Секретарь нагнулся к уху судьи и что-то прошептала. Сэр Мартин выкрикнул:

– Ведь это не есть подсудимый, он только свидетель, но что тогда можно ожидать от подсудимого?! Впрочем, уже знаю. Подсудимый может не вставать. Я уже так хорошо вас разглядел, так хорошо, что, очевидно, увижу господина во сне. Свидетель!

Я приготовился ко всякой неожиданности.

– Не жалуется господин на головные боли? Не бывает ли помутнения в глазах? Не болел ли господин тяжелыми болезнями в детстве? Ну, говорите же! Что значит что? Всё! Всё, что касается дела. Если господин думает, что меня интересует его отношение к индийскому музею этнографии, то он ошибается. Так, что вы ждёте? Вздохнул я как можно глубже и начал:

– Так вот, господин судья...

Прокурор вскочил с кресла:

– Господин судья, – выкрикнул он, – прошу свидетеля принести присягу!

Сэр Мартин поднял молоток и начал им размахивать перед самым носом обвинителя:

– Идеалист! Вы всё ещё верите в силу присяги? Господин думает, что как только свидетель принесёт присягу, то у него сразу просветлеет в голове, и он будет говорить по существу дела? Да, если говорить по существу, то ваш акт обвинения становится абсолютной антитезой этого понятия. Бьюсь об заклад, доктор Стивенсон, что вы жалуетесь на бессонницу. Это первый признак меланхолии. Отклоняю! О Боже, как давит в висках! Свидетель! Что вы стоите, как жена Лота. Валяйте дальше!

– Подсудимого, – начал я, – знаю с трёхлетнего возраста. Это человек...

Сэр Мартин сорвал парик с головы и бросил его на стол:

– О, сто тысяч виселиц! Да если бы не был человеком, то не сидел бы перед судом! Если бы, к примеру, он был коровой, то мы бы его доили, а не судили. Или я, по-вашему, похож на скотину?! Может, наконец, господин говорить конкретно, не злоупотребляя нашим терпением?

Он нахлобучил парик на голову, разгладил его, подчёркивая всем своим видом, что он не виновен во лжи и вздорах, которые, ещё минуту, и поплывут из моих уст. Я начал говорить. Это была трудная речь, время от времени прерываемая возгласами судьи, размахиванием кулаками, взрывами гнева и разочарования.

Сначала я просто не знал, с чего начать. С того ли момента, когда Лолек рассказал мне, что познакомился с самой прекрасной девушкой на свете, или с того, когда впервые увидел их вместе, целовавшихся у ворот общежития. Начал с того, что поклялся за Лолика. Сэр Мартин пробурчал что-то под нос, давая мне понять, что ему уже всё равно.

– Милорд, – произнёс я, – подсудимый действительно не виновен, он никогда не был бабником. Готов пойти на любой риск, но утверждаю, что за всё его знакомство с Маргарет он даже не узнал сладости поцелуя.

Тут сэр Мартин запретил мне распространяться насчёт поцелуев.

– Знакомство с Маргарет было поворотным пунктом в его жизни, – продолжил я. – Полюбил он впервые большой и чистой любовью. Действительно, не один я убеждал его, что Маргарет ловкая штучка, прикидывающаяся невинной птичкой, что попросту хочет женить его на себе, потому что её очередной, седьмой по счёту, жених раскусил её и дал стрекача. Маргарет опутала Лолека благодаря своей уважаемой мамаше. Даю голову на отсечение, что согласие на брак было получено, когда Лолек был просто пьян. А ведь это может случиться с каждым.

Сэр Мартин ткнул пальцем в мою сторону:

– Господин хочет сказать, что и со мной может такое случиться? Спрашивается!... Впрочем, все мы, люди. Далее! Одну минуту! Ведь, если бы все обручались в пьяном виде, то три четверти мужчин этой округи были бы многоженцами, или не так? Правильно я говорю, господа?

Никто не посмел ему возразить, поэтому я продолжил:

– А какие же были последствия этого? Вопреки тому, что здесь показала госпожа Мак Ингле, исключая какое-нибудь интимное сближение между ними. Подсудимый просто ещё молокосос, то есть, я хотел сказать – не испорченный. Когда на пляже он видел женщин в купальниках, то сразу отворачивался. Наилучшим доказательством чистоты его чувств есть то, что он писал стихи, и остаётся только жалеть, что они не включены в акт судебного разбирательства.

В этом месте сэр Мартин достиг своей импонирующей вершины:

– Писал стихи? Подсудимый, покажитесь-ка! Боли в позвоночнике господин не чувствует? Галлюцинаций у господина не бывает? А на фронте господин не был ранен в голову? Утверждаете, что нет?... Хммм... тем лучше. Значит, с чистой совестью можно будет засадить господина на решётку. Свидетель, что вы ждёте?

– Конец этой невинной идиллии, господин судья, положила сама пострадавшая, которая начала шантажировать подсудимого, желая приблизить срок женитьбы. Ясно, что при таком отношении большое и сильное чувство подсудимого начало угасать, и всё, что у него осталось, – это разочарование, горечь и болезненное сознание любви, убитой торгом о смене гражданского состояния. И тогда, господин судья, подсудимый, разочарованный и обманутый, вспомнил, что осталась у него ещё Отчизна – Польша. Он решил вернуться на Родину.

Но в тот момент, когда корабль поднимал якорь, на пирс въехала госпожа Мак Игле вместе со своей мамашей и полицией. При помощи представителей власти она стащила подсудимого с палубы корабля, и вот он стоит перед вами, господин судья. Я кончил.

Сера Мартина разбила апоплексия. Придя кое-как в себя, он рявкнул:

– Пускай меня разнесёт, если я когда-нибудь в жизни слышал подобное надувательство! Господа, клянусь, что этот человек – дегенерат! Почему господин кончил? Ведь таким образом вы могли бы развивать свою болтовню до конца света! Общественный обвинитель! Может, господин что-нибудь скажет, если это не будет потоком чепухи?

Прокурор начал чуть ли не шёпотом, потом голос его стал набирать силу, и вскоре он орал таким густым басом, какого не постеснялся бы сам сэр Мартин:

– ...И не имеет значения, господин судья, давал подсудимый обещание пострадавшей или нет. Важно сейчас то, что обвиняемый в течение четырёх месяцев ухаживал за ней, был с ней в товарищеских отношениях, чем изолировал её от других поклонников. Между прочим, лучших мужчин, чем он. Подсудимый отнял у пострадавшей четыре бесценных месяца, в течение которых она могла себе найти другого человека и выйти за него замуж. Поэтому ей необходима компенсация в размере трёхсот фунтов, и это необходимо признать как очень умеренную меру. Сам облик подсудимого...

Сэр Мартин трахнул молотком по столу:

– Вот это да! Может, господин скажет что-нибудь, чёрт возьми, о самом подсудимом! Господин прокурор хочет сказать, что это ещё тот фрукт?! Что же ещё? А свидетель это невинный барашек? Так, так. И кто бы мог подумать! Такой хлюпик...

Я соскочил с места:

– С позволения, господин судья! Этот хлюпик – вратарь нашей футбольной команды, которая вкатила «3:0» представителям метропольной полиции и которая свела в ничью с командой «Чесла». И именно он, подсудимый, этот хлюпик, есть тот, кто парировал удар самого Ника Паркинсона в интереснейшем матче со сборной шотландского корпуса, с этими «Голубыми чертями из Аыра», которые так дружно...

Сэр Мартин подскочил на своём месте:

– Ко всем чертям святого Патрика! Не будете же вы меня учить, молодой человек, кто такие «Голубые черти из Аыра» и кто есть Ник Паркинсон, это гордость и слава Коледонии! Припадки господина не быют? Не ощущает господин потери памяти? Подсудимый! Нет-нет, не надо вставать, разрешаю господину отвечать сидя. Это правда? Пусть господин хорошо подумает. Правда ли, что сказал сейчас ваш приятель?

– Действительно, господин судья, я имел счастье парировать удар Ника Паркинсона. Позволю себе добавить, что это был пенальти.

По залу прокатился шум. Сэр Мартин поднял кулак кверху:

– Бог покарает, господа, если это враньё. Впрочем, проверим. Свидетель, расскажите, как это было.

– Не совсем понимаю, господин судья, – заметил прокурор, – какое это имеет отношение к...

Рука судьи повисла над чернильницей:

– Господин Стивенсон, по моим соображениям, это важное обстоятельство для настоящего дела. Моё мнение в этом зале – закон. Неужели такому человеку, человеку, который парировал удар Ника Паркинсона, до какого-то невинного флирта? Побойтесь Бога! Пусть свидетель говорит дальше.

– Как я уже отмечал, господин судья, – продолжил я, – Ник должен был пробить одиннадцатиметровый. Мой приятель хотел сначала просто выйти из ворот, потому что ещё никому не приходило в голову парировать удар Ника, но, подумав, остался в воротах. И только сильно побледнел...

– Представляю себе, – вырвалось у сэра Мартина.

– ...И тогда, господин судья...

Сэр Мартин быстро встал:

– Предупреждаю лояльно: тот, кто сейчас перебьёт свидетеля, заплатит пять фунтов штрафа. Дальше!

– Ник Паркинсон сначала театрально поклонился во все стороны, послал моему приятелю воздушный поцелуй, как бы извиняясь перед ним, а потом...

Сэр Мартин ударил себя по заднему карману, как бы ища пистолет. Ничего однако там не найдя, снял парик и, помахивая им, словно веером, произнёс:

– Сейчас господин будет говорить дальше, хочу предупредить, что за фальшивые показания могу вклеить господину пять лет.

– Если вру, господин судья, пусть наша польская команда «Карпаты» проиграет эдинбургской полиции «5:0», – поклялся я. Это был сильный аргумент. Даже прокурор кивнул головой, оценив его.

– А потом Ник, знаете, господа, его фокусы, начал топтаться на месте, строить гримасы. Когда раздался свисток, пулей бросился к мячу, размахнулся левой ногой и сильно резанул мяч взёмом. Мяч сначала полетел в левый угол, но затем сменил направление и по кривой пошёл в верхний правый угол и...

– Гол!! – не выдержал кто-то из присяжных

– Фигу! – Вскочил сэр Мартин, – ведь слышал господин, что удар был парирован. Господина не бьют припадки или, быть может, боль в темени? Это я вам говорю, господин присяжный. Нет? Жаль. Продолжайте!

– ...И, господин судья, Лолек, я даже не понимаю, как он это сделал, как стрела и ..., правда, он не мог поймать мяч, но парировал его на угловой. На стадионе стало так тихо...

Сэр Мартин забубнил гробовым голосом:

– Прошу тишины. Будет в этом зале тихо или мне продолжать заседание при закрытых дверях? Дальше!

– ...не могу всего описать, что тогда было. Факт тот, что Ник Паркинсон подошёл к подсудимому и... поцеловал руку. Видело это, господин судья, сорок тысяч человек, и у всех были слёзы на глазах.

Сэр Мартин вынул из-под тоги снежно-белый платок, шумно высморкался и обратился к Маргарет, как можно мягче:

– Госпожа Мак Ингле, зачем госпожа настаивает на этих трёхстах фунтах? Имейте, госпожа, сердце. Взять деньги у человека, который парировал удар Ника Паркинсона? Госпожа Мак Ингле-старшая, неужели вы думаете, что эти деньги могут принести госпоже и её дочери счастье? Я бы мог приговорить подсудимого к вынужденной женитьбе, но ведь это не будет наилучшим выходом из создавшегося положения. Ведь не хотела бы госпожа иметь зятя-футболиста, с которым не знаешь, когда его принесут домой с переломанными ногами... О Боже, как болит голова! Пускай обе госпожи над этим подумают.

– Господин прокурор!

– Я господин судья... Моё отношение будет зависеть от отношения пострадавшей. В каждом, так сказать...

Может быть, я преувеличивал в некоторой мере...

– Защита! – не стал его дослушивать сэр Мартин.

Адвокат Мак Грове слегка поклонился:

– Линия защиты остаётся без изменения, господин судья, – потом трагично добавил, – Если имеете сомнения, то скажите.

И сел.

– Дочь и мать Мак Ингле. Ваше мнение?

Мамаша потянула носом:

– Пусть так, пусть мы понесём этот ущерб. Но я прошу ласки, господин судья, хотя и говорят на меня «старая скряга», я тоже женщина, хотя, может быть, с виду...

– Авторитетно заявляю, что госпожа прекрасно выглядит. Господа присяжные!

Председатель присяжных почтительно произнёс:

– Присяжные вполне солидарны с мнением Вашей милости, господин Лорд.

– Очень хорошо, господа, я бы сказал – прекрасно! Оглашаю приговор: «Подсудимый не виновен!». Присуждаю ему свободу. Полиция может убираться из зала. Остальные также могут идти по домам. Боже, как болит голова.

